

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ СВЯТЕЙШЕМУ ПИМЕНУ
ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ
АРХИПАСТЫРЯМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Ваше Святейшество!
Ваши Высокопреосвященства!

Мы, рядовые верующие нашей страны, обратились к Генеральному Секретарю ЦК КПСС М.С.Горбачеву, чтобы высказать наши надежды и тревоги, связанные с положением Русской Православной Церкви.

Мы приветствуем начавшиеся изменения в политической, общественной и культурной жизни нашей страны, которые Святейший Патриарх Пимен в своем Пасхальном Послании назвал "всеобъемлющим обновлением". Признаки этого обновления очевидны. И мы хотели, чтобы в стороне от него не осталась бы Русская Православная Церковь. В нашем обращении речь идет прежде всего об отношениях Церкви и государства.

В силу тех самых причин, которые и вызвали необходимость нынешней перестройки, в нашей стране сложилась ситуация, когда открыто и откровенно говорить об отношениях Церкви и государства до сей поры у нас решались люди, коих называли "инакомыслящими". Нам хотелось бы уверить всех, что "инакомыслие" — это не какая-то особо вредная профессия, платой за которую был, как правило, лагерь, это стремление жить по собственным, выношенным убеждениям. Но сегодня, в эпоху открывшейся гласности, появилась надежда, что само это понятие "инакомыслие" потеряет наконец свой криминальный смысл, потому что никакие убеждения не будут считаться преступными и заслуживающими уголовных наказаний. И тогда о подлинных проблемах Церкви в нашей стране со всей откровенностью и прямотой заговорят и рядовые верующие, и те, кто стоит у кормила нашей Церкви. Такая возможность, если ей суждено осуществиться, и будет порукой настоящей перестройки в нашем обществе, гарантией его "всеобъемлющего обновления".

Самыми реальными и обнадеживающими признаками этого обновления мы сочли досрочное освобождение из тюрем, лагерей и ссылки многих из тех, кого по праву называют "узниками совести". В этом освобождении мы видим косвенное признание со стороны государства того "права на совесть", что отнюдь не всегда укладывается в рамки принятого и дозволенного его истолкования.

Но свободу должны обрести все люди, попавшие в неволю за их желание жить в согласии со своим религиозным и нравственным долгом, ибо мы убеждены, что Бог сотворил всех людей свободными, равными в своем достоинстве, наделенными совестью и алчущими правды.

Наше время дает нам надежду и на то, что правда и справедливость не минуют и нашей Русской Православной Церкви. Мы верим, что должно придти время, когда она получит возможность жить, следуя своей вере, как её понимает она сама, исходя из своего церковного сознания и Предания, а не так, как понимают христианскую веру её профессиональные ниспровергатели. И они, конечно, имеют полное право на свои взгляды и свободное их выражение, но до какого же времени, до какого предела должны эти взгляды служить и внутренним законом для Церкви Христовой? Разве столь могущественное и цивилизованное государство как наше не может предоставить верующим не только право исповедовать свою веру в храме, но и по вере — жить?

Так, мы исповедуем религию любви, ибо нам сказано: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душой твоею, и всем разумением твоим..., возлюби ближнего твоего как самого себя" (Евангелие от Матфея, гл.22; 37,39). На этих двух заповедях, по слову Христа, "утверждается весь закон и пророки", т.е. самая суть духовной жизни. Закон любви неделим, одну заповедь нельзя отсечь от другой, обе вместе и каждая в отдельности они представляют собой реальное выражение нашей веры. Но чуть ли не повсюду, где любовь к ближнему могла бы вылиться в конкретное нравственное деяние, она натывается на рогадки иного, направленного против нее закона. Конечно, право любить своего ближнего не может быть отнято у отдельного чело-

века, но какими софизмами можно оправдать тот факт, что это право отнимается у церковной жизни или у Церкви как института?

Так, действующее по сей день Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года запрещает Церкви (как и всем религиозным объединениям) любые деятельные формы любви к ближнему, любые социально выраженные проявления сострадания или милосердия. Создание больниц, санаториев, домов для престарелых и инвалидов, детских домов, благотворительных обществ, касс взаимопомощи и вообще каких бы то ни было форм взаимопомощи — всё это запрещено! 17 статья этого Постановления воспрещает религиозным объединениям "пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом в каких-либо иных целях, кроме удовлетворения религиозных потребностей" и даже "оказывать материальную поддержку своим членам". Трудно определить, что же более унижительно в этих запретах, они ли сами или же негласное, само собой разумеющееся определение "религиозных потребностей" со стороны людей, никаких таких потребностей не имеющих. Так возникает нравственный конфликт закона и веры, который — пусть даже он не решается заявить о себе никакими декларациями — явно или подспудно не может не существовать в сознании многих верующих людей.

Сколько же членов Русской Православной Церкви могли бы достойнее, содержательнее прожить эту жизнь на земле, наконец могли бы достойнее уйти из этой жизни, если бы им позволили не только собираться в храме для молитвы и расходиться потом кто куда, но и создавать крепкие деятельные общины, в которых любовь к ближнему могла бы воплотиться в конкретных делах — взаимной поддержке, уходе за немощными и больными? Для скольких верующих именно такой путь — путь активного служения, путь жертвенной любви — мог бы оказаться и подлинным путем к спасению? С моральной и юридической ~~информации~~ точки зрения упомянутое Постановление является прямым нарушением свободы совести, поскольку судить о нуждах религиозной совести оно представляет исключительно государству. С точки зрения церковной оно лишает православную веру многих из видимых её плодов.

Постановление 29-го года было принято в те времена, когда многим казалось, что религия, ещё чуть-чуть подышав на ладан, вскоре сама прекратит свое затянувшееся существование. Тогда вопрос о её "отмирании", давно решенный теоретически, хотели быстро решить практическими методами. Но Церковь выстояла, не умерла, и мы веруем, что её вера и сегодня так же молода и неистребима, как и в первые века её существования. Мы веруем, что такой же она пребудет и впредь, ибо стоит на камне истины. Но той же верой продиктована и наша тревога о ней.

Да, наша Церковь и не думает отмирать, но и жить она обречена как бы в состоянии длительного и ставшего уже привычным удушья. Ей не хватает дел, ей не хватает и слов. Молитва, иногда проповедь в пределах храма — это допускается как "удовлетворение религиозных потребностей". Внешнеполитические заявления со стороны высоких представителей Церкви — и это допускается как официально разрешенная "миротворческая деятельность". И всё. Иных слов — кроме богослужбных внутри и миротворческих вовне — Церковь как будто не смеет произнести. Как будто истина, которую она в себе хранит, не нуждается ещё и в иных, ещё во многих словах, обращенных к её сынам, обращенных ко всему миру. Ибо мы исповедуем религию С л о в а; "В начале было Слово. И Слово было у Бога, и Слово было БОГ" — так начинается свое Евангелие святой Иоанн Богослов.

Когда мы говорим "Церковь", мы разумеем не только служащих, но и всех исповедующих себя православными христианами и даже просто всех крещеных в ней. Пастыри и пасомые — всё это вместе Церковь, называющая себя Народом Божиим. Где же этот Народ может познакомиться со Словом Божиим — с Библией? Мы знаем, были и ещё предусмотрены какие-то её тиражи, есть официальные отчеты, но стоит зайти в любой православный храм, взглянуть на книжную полку почти любого рядового прихожанина (скажем, где-нибудь в провинции), там этой Библии, изданной в советское время, нет. Да и по цене, разве доступна она массам тех простых людей, которые наполняют наши храмы? Но почему,

собственно, только в храмах может продаваться эта книга, которая только одна и называется Книгой? Разве недостойна она стоять на полке обычного книжного магазина как величайшее творение человеческой культуры даже и для неверующих? Если же вся Библия велика, чтобы издаваться массовым тиражом, есть в ней другая малая книга — Евангелие, общение с которой необходимо для каждого христианина не меньше, чем присутствие в храме. Если же в Церкви есть верующие, лишенные даже Евангелия — а они есть, и их много — это не только личная их беда, но и беда всей Церкви.

В Православии вера опирается на два пути выражения Слова: Священное Писание и Священное Предание. Как обстоит дело с Писанием, мы все знаем, что же касается Предания, то здесь всё намного сложнее, а во многих случаях ещё плачевнее. Ибо само понятие Предания чрезвычайно многогранно: это и богослужение, и свод молитв, освященных веками, это и деяния церковных Соборов, это и догматы, это и правила или каноны, коими руководствуется Церковь, это и почитание Богоматери, и жития святых, это и церковное понимание иконы, это и писания тех христианских авторов, которых называют Святыми Отцами, и ещё многое другое, писаное и неписаное, материальное и духовное, всё, что Церковь признает своим священным наследием, всё, чем она живет, всё, в чем она усматривает присутствие Духа Святого. Как же может приобщить она своих членов — мы не говорим сейчас о священнослужителях — ко всему этому для всех предназначенному богатству? За исключением сильно ограниченного (в сравнении с реальными нуждами) числа Молитвословов, за исключением совсем уж символического количества изданных богослужбных книг, единственным путем ко всему Преданию и зачастую Писанию остается лишь богослужение. Богослужение для тех, кто может его посещать, т.е. далеко не для всех. Однако и богослужение часто остается закрытым и запечатанным для простых прихожан, не ведающих ни его смысла, ни его структуры, ни даже его языка.

И потому Церковь не может нормально существовать в усло-

виях навязанной ей безгласности; она призвана учить, она обязана удовлетворять "религиозные потребности" не только сердца, но и разума своих членов. "Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом", — говорит апостол Павел (I Кор. I4; I5). И если человек имеет право верить и "молиться духом", он имеет право и знать об основах и доводах своей веры, исходя опять-таки из ее собственных начал, из разумения Церкви, а не из "основ научного атеизма". Необходима проповедь в храме, но никакая проповедь не может заменить школы, систематического религиозного просвещения. Но оно-то — как "пропаганда" — запрещено, как, впрочем, и библейские кружки, и "специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания", как и библиотеки при храмах, и даже экскурсии и детские площадки. Каким же чувством продиктованы все эти запреты? Если уж атеизм так опасается за свои позиции, пусть он хоть пятикратно воспользуется своими, отнятыми у Церкви, правами: заведет кружки, соберет собрания, несметно увеличит свою издательскую продукцию... Как граждане мы, конечно, не можем не пожалеть о таком пустом расточении сил и гибели бумаги, но как верующие, некогда прошедшие через всю эту атеистическую премудрость, мы с легким сердцем можем сказать: пусть мудрствует, пусть ведет словесную войну.

Речь идет пока только об элементарном образовании, в котором так остро нуждается столько наших верующих, о катехезации, что проводилась даже в древне-римских катакомбах. Но есть по крайней мере ещё одна область церковного служения Слову: культура. Жизнь в Церкви требует не только усвоения прошлого, но и творческого ответа сегодняшнему дню. Такой ответ требует инициативы свободных людей. Однако, если не считать чисто научных или чисто политических конференций, религиозная мысль, религиозное творчество, точка зрения верующего человека на то, что происходит в нашей жизни — всё это может существовать у нас весьма прикровенно, чтобы не сказать подпольно. Почему? Не оттого ли, что один лишь безрелигиозный гуманизм у нас имеет право мыслить, а вера как бы изначально предполагается б е с с м ы с л е н н о й?

Да, у Церкви есть один тонкий ежемесячный журнал — журнал официальных приветствий, официальной хроники, официальных некрологов, с добавлением двух-трех проповедей, едва ли имеющих какое-то отношение к делам современного мира, да еще каких-нибудь крох богословия, также существующего вне времени. Говорить, что этот единственный журнал, который позволено иметь Церкви (за исключением академических "Богословских трудов") отражает всю её сложную, живую, порой трагическую жизнь, это всё равно, что официальными тиражами Библии удовлетворять запросы всех верующих. Говорить-то можно, верить никак нельзя.

И положение несколько не изменится, если к одному ведомственному журналу прибавить ещё один-два других, ещё более официальных. ещё более по случаю юбилея торжественных. Церкви должны быть когда-нибудь даны уста для живых, человеческих, а не для одних поздравительных или веками затверженных речей, чтобы свободно учить, назидать, наставлять, проповедывать, открыто говорить о своих нуждах, открыто возвещать то, что она считает истинным, наконец, открыто, не таясь, строить собственную культуру. Ибо мы исповедуем религию с в о б о д ы, потому что нам сказано: "Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, И познаете истину, и истина сделает вас свободными" (Евангелие от Иоанна, гл. 8; 31-32).

Да, Христос говорил о свободе духовной и сокровенной, но разве она противоречит свободе гражданской? о свободе от греха, но разве не предполагает она и свободы для жизни, для действия? Церковь должна быть, и мы веруем, что несмотря ни на что, остается вестницей свободы, но она скована и переплетена таким количеством внешних пут и незримых нитей, что их, пожалуй, и не сосчитать. Есть запреты официальные, закрепленные в законодательных актах, есть запреты полуофициальные, вытекающие из одних закрытых, служебных инструкций, есть запреты совсем не официальные, ни из каких даже самых секретных бумаг не вытекающие, но при этом для гражданских инстанций вполне самоочевидные, выводимые из общих установок. Так, например, закон разрешает ходатайствовать об открытии храма, но такие ходатайства чаще всего оканчивались ничем. Закон не препятствует священнику

посетить узников в тюрьме или умирающих в больнице, но разве такое часто случается в наших тюрьмах, наших больницах? Даже чрезмерное количество прихожан или чрезмерное, с точки зрения, местных властей, количество детей, приводимых на службу, или друзей, приезжающих погостить, и то ставится на вид священнику и грозит ему неприятностями. Примеров всех этих скрытых и нескрытых запретов в различных их диалектических сочетаниях можно привести великое множество. И мы спрашиваем: разве не именно они, а не торжественные декларации, отражают подлинное отношение государства к Церкви?

Какой же мы увидим её глазами всех этих правил, инструкций, постановлений (хотя бы только опубликованных) и массовых атеистических брошюр? Мы увидим существо крайне дремучее, удовлетворяющее путем странных культовых действий какие-то темные "религиозные потребности", но при этом всегда что-то скрывающее, держащее камень за пазухой, и при этом нечистое на руку, только и норовящее совершить насилие над чужой зазевавшейся совестью, обойти закон, протащить в храм книги, не нужные для отправления культа, тайно издавать религиозную литературу, посягая на права граждан, организовывать (!) "святые места", нарушая правила санитарии и гигиены, разжигать фанатизм среди населения, хитро приспособливаясь к нашему веку, а также, прикрываясь патриотической деятельностью, служить ещё и прикрытием для "диверсий без динамита". Словом, это существо, которое нужно всегда учить уму-разуму и одновременно не давать спуску, чтобы при малейшем шаге в сторону от предписанного — уличать, разоблачать, срывать планы, бдительно увязывать всё это с какими-нибудь заокеанскими происками!

Нетрудно представить себе, каким самосознанием, каким самочувствием должна обладать Церковь, живущая десятилетие за десятилетием под недреманным оком всех этих направленных на неё запретов и уличений. И потому сегодня, когда средства массовой информации доносят до нас всё более свободные голоса писателей, хозяйственников, государственных деятелей, мы нигде не слышим её голоса. Потому ли, что Церковь знает, что единственной свободой на общественном вольном поприще, которой она

пока обладает, всё ещё остается свобода публичных и гласных заявлений о том, что нигде, никогда и ни в чем она, Церковь, не ~~попущивает~~ испытывает притеснений со стороны государства? И надо сказать, что правом на такую свободу и гласность она в лице своих представителей пользуется и на самом деле довольно широко.

~~Ваше~~ Ваше Святейшество!

Ваши Высокопреосвященства!

В нашей стране живут многие миллионы людей, которые исповедуют православную веру и считают себя чадами Русской Православной Церкви. И в каком бы положении Церковь не находилась в государстве, они рождаются, живут и умирают в качестве членов этой Церкви и граждан этой страны, от жизни которой они не отделяют себя. И они хотят, оставаясь верными своему земному отечеству, быть верными и отечеству небесному, жить по Христу. Сегодня мы верим, что и государство перестанет отделять себя от них, т.е. признает за ними настоящие гражданские права — не в узко юридическом, а в полном и духовном смысле — признает их в нашем обществе — христианами. И мы считаем, что настала пора открыто и гласно поставить вопрос о таком признании.

Повторим: такое признание означает предоставление Церкви возможности жить согласно ее вере или просто быть в полной мере Церковью Христовой. По нашему мнению, оно могло бы выразиться в следующих актах доброй воли:

1. Широком открытии новых храмов (закрытых в прежние времена или вновь построенных), в особенности в тех районах, где на огромные пространства и на миллионы людей приходится пока лишь одно-два молитвенных здания.

2. Значительном увеличении тиражей Библии, массовом и доступном издании Евангелия для рядовых верующих.

3. Пересмотре явно устаревшего законодательства о культурах (который, как мы знаем, уже начался), отмене многих унижающих запретов, неприемлемых для христианской совести или жестко ограничивающих деятельность священнослужителей.

4. Разрешении проводить внебогослужебные беседы в храме,

разъясняющие основы православного вероучения.

5. Устранении любых форм давления на детей, родившихся в верующих семьях или желающих быть христианами. Мы считаем, что и для общества полезнее хорошие христиане, чем номинальные пионеры.

6. Возвращении Церкви ряда монастырей, закрытых в последние десятилетия, и прежде всего Киево-Печерской Лавры, всё ещё живой болью отзывающейся в народной памяти.

7. Возвращении Церкви святых мощей Святителей Московских Петра, Филиппа, Ионы, Гермогена, пребывающих в настоящее время в Успенском Соборе в Кремле, а также возвращении некоторых особо чтимых икон, находящихся в музеях.

8. Предоставлении Церкви доступа к государственным средствам массовой информации.

9. Издании древней и современной литературы, отражающей Предание и историю Православной Церкви.

10. Открытии при храмах религиозно-богословских библиотек, доступных для рядовых прихожан.

11. Упразднении ограничительных средств, насильственно сковывающих жизнь Церкви. Освобождение таинства Крещения и таинства венчания от принудительной регистрации — лишь первый шаг в этом направлении (допущенный пока лишь в немногих храмах).

12. Признании за Церковь права на "милость к падшим": на посещение священником больниц, психиатрических лечебниц, мест заключения.

Мы отдаем себе отчет, что не все эти меры могут быть приняты сразу. Мы понимаем, что перестройка — это длительный и нелегкий процесс, который может встречать растущее сопротивление. Демократизация нашего общества не может свалиться с неба, она должна созреть в испытаниях и борьбе. Мы хорошо сознаем и то, что и сама Церковь не сразу, а лишь постепенно, с течением времени сможет воспользоваться теми возможностями, о которых шла здесь речь. После стольких лет оцепенения, онемения, безгласности она должна как бы заново учиться двигаться и говорить. Мы знаем, что условия, в которых она вынуждена была существовать, породили в ней и множество внутренних, уже чисто

церковных проблем, разрешить которые она будет не в состоянии до тех пор, пока не будут сняты все сковывающие её путы.

Мы обратились к Генеральному Секретарю ЦК КПСС, потому что мы хотим верить в реальность и будущее перестройки. Мы верим и в то, что процесс демократизации, начавшийся в нашей стране, неделим, и что Русская Православная Церковь не может быть исключена из этого процесса. Сегодня мы обращаемся к Вам, Ваше Святейшество, Ваши Высокопреосвященства, с призывом не упустить уникальный исторический шанс, который Господь посылает нашей Родине и нашей Матери-Церкви. То, что казалось немислимым вчера, завтра сможет стать возможным и вполне реальным. Подобно Вам, мы убеждены, что не люди существуют для Церкви, но Церковь существует для людей, ибо и "Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" (Евангелие от Матфея, гл.20; 28). Мы веруем, что служение Церкви людям включает в себя и час церковной молитвы, и всю их жизнь в обществе, рядом с ближними, дабы и она могла быть проникнута Духом и светом Христовым. Всё, чего сегодня ждет Церковь, всё, за что она должна бороться, нам думается, может быть выражено лишь одним словом: признание. Признание ее не в качестве культового пережитка, но в качестве самостоятельной духовной, правовой, культурной реальности, само существование которой — не бремя, но одно из многих подлинных достояний и богатств нашей Родины. Право быть Церковью такой, какой она призвана быть в согласии с её евангельской, её апостольской верой, вот, что должно быть предоставлено ей к её 1000-летнему юбилею.

священник Глеб Якунин

священник Николай Гайнов

Андрей Бессмертный

Валерий Борщов

Виктор Бурдюг

Владимир Зелинский

Евгений Пазухин

Виктор Попков

Владимир Пореш

. 23 мая 1987 г.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
ТОВАРИЩУ ГОРБАЧЕВУ М.С.

Мы, жители города Кириши Ленинградской области и граждане своего Отечества, обращаемся в ЦК КПСС. Это обращение - наша последняя надежда.

Кириши ещё в недавнем прошлом с гордостью называли "городом молодости". Ныне он стал известен на Ленинградской земле и далеко за её пределами как "город медленной смерти".

Наш убийца - это биохимический завод, это - Чернобыль на Киришской земле. И наше требование одно - ЗАКРЫТЬ БХЗ!

В 1975 году, сразу после пуска БХЗ, количество заболеваний бронхиальной астмой увеличилось в 20 раз, в 1978 году - в 24 раза, больных детей зарегистрировано в 35 раз больше, чем взрослых: "Киришский факел" № 55 от 07.05.87 года.

Город удостоился сомнительной чести открытия аллергологического отделения, которым может "похвастаться" не каждый областной центр. Но если бы только это! Заболевания кожных покровов, воспаление слизистых оболочек, поражение органов дыхания, желудочно-кишечного тракта, почек и пр., а также нервной системы! Продолжать можно и дальше, но всё, что мы испытываем на себе, уже описано в учебнике для студентов медицинских вузов /К.Д.Пяткин, Ю.С.Кривошеин, "Микробиология", Медицина, 1980 г., с.459/.

Мы перестали доверять врачам, которые говорят одно, а пишут другое. Почти все погибшие дети госпитализировались с диагнозом "ларинготрахеит со стенозом I-2 степени", а в свидетельствах о смерти стояло - "острая респираторная вирусная инфекция". Что это? Служебная некомпетентность, недобросовестность или отсутствие гражданского мужества воспротивиться приказу лгать?!

Но самое страшное - это появление убежденности в снижении иммунитетной способности организма киришан. В возникновении "биохимического СПИДа"! А ведь по сведениям, исходящим

от работников Ленинградского государственного института усовершенствования врачей, уже сейчас 80% киришан в разной степени поражены глубокими заболеваниями. Что же дальше!?

Нет такой экономической целесообразности, в жертву которой могло бы быть принесено здоровье людей. Но какова всё же продукция и экономика БХЗ? Разработчики обманули государство, представив белково-витаминный концентрат /БВК/ чудодейственным эликсиром, резко повышающим продуктивность скота. БВК на основе парафинов запрещен в рационе питания мясного и молочного животноводства, а также на птицефермах. Его разрешено использовать только в пушном звероводстве. Но разве это оправдывает убытки в 13 миллионов рублей ежегодно?! /Газета "Биохимик" от 19.03.87/. Мало того! "Если бы средства и материалы, которые вкладываются в этот завод, направить селу, в наращивание производства растительного белка, то получили бы его в 2-3 раза больше и дешевле" /Газета "Правда" № 117 от 27.04.87г/

Нас не устроят никакие проекты и программы реконструкции БХЗ, ложь подтасованных "фактов" и "анализов", десятки ответов Минмедбиопроба - выход только один: **НЕМЕДЛЕННОЕ ЗАКРЫТИЕ БХЗ** и перепрофилирование завода.

Нас не могут успокоить многосотенные тысячи штрафов завода за отравление окружающей среды - лечиться нам приходится за свои деньги, не говоря уже о невозполнимых утратах тех, чьи дети пополнили детский сектор Киришского кладбища.

"Медленная смерть", "болезнь Быкова", "Киришанка" должна быть безотлагательно уничтожена, а не "доведена до приемлемого по ЦДК уровня!"

БХЗ убивает не только нас, но и веру в честность и порядочность тех, кого мы называем представителями трудового народа, призванными защищать наше конституционное право на охрану здоровья и самой жизни.

Мы, жители города Кириши и граждане своего Отечества обращаемся в ЦК КПСС. Услышьте наш голос!!

Подписи: около 10 000.

////////